

Ещё перед белоснежной вспышкой телепортации, все те однотипные простыни — что постоянно покачивались на ветру, с такой свободной ленцой — на которые, по ходу «службы» столь часто смотрела горничная Лилия, развешивая их на ветру, её сердце успело дрогнуть. Было ли это хвalebное предчувствие воина или же простое материнское сердце, которое изнывало опасностью, но, как когда на простынях женщина находила не отмытые пятна, так и здесь, смотря сквозь открытое насквозь окно, она опустила брови, нахмурившись.

Когда все произошло, Лили и сама не сразу осознала, как держит нечто под крылом, пытаясь сохранить это и уберечь. Пускай горничная и не была той, кого её собственная дочь назовёт «лучшей матерью», надеяться на это, когда Лили осознанно, своими собственными руками создавала барьер между своей дочерью и семьёй Пола могло показаться глупостью. Лилия не видела собственную дочь в качестве члена семьи Грейрат. Даже если Аишу приняла семья, мать не отпускала девочку. Она не позволяла себе сделать непростительный шаг вперёд. Ни себе, ни дочери. Потому что она, что её младшая копия, одеты в форму горничных, словно скрываясь за стеной из униформы.

Впрочем, это не мешает Лили, проявлять материнскую любовь, однако, её маленькая дочь — Аиша, развита не по годам, была остра на язычок от недостатка внимания и любви матери. Все же... Лили, ощутив призрачную опасность первым делом обняла свою дочурку так крепко, что сам ребенок хотел вскрикнуть, но не успел.

Их затопил белоснежный свет, а в следующую секунду, кричать было бесполезно. Тьма, которой палец в рот не ложи, окутала и мать, и её дитя, без промедления, без злости или щедрости. Тьме было все равно. Не все равно было Аише. Секунду назад ей желалось яростно воскликнуть, вдохнуть, как в нос и рот словно прилетел кулак, а внутрь что-то проскользнуло. Из лёгких вылетели последние пузырьки воздуха, маленькие лёгкие обожгло болью, с которой было сложно управиться. Закаляться, как должно, Аиша не успела, вокруг была вода, и сверху, и снизу, и куда бы она не указала пальцем. Будь ребенок один, он бы утонул, просто паникуя.

Тем отважнее смотрелась Лили, для которой, подобное, естественно, оставалось шоком, но не более. Поддаваться панике и страхам взрослая решила потом, а судорожно вдохнуть, когда легкие молят впустить хоть что-то, мать себе позволить не могла.

Им повезло. Свезло, сама Судьба не пожелала их кончины, они быстро всплыли и выбрались на берег, а ведь могли попасть куда угодно. И ниже, где их раздавила бы спокойная, но многотонная вода, и всплыть они могли никак не у самих берегов, а в центре моря. Никак иначе чем везением, все это Лили не могла объяснить. И то, удача её закончилась на том, как только они выбрались на берег.

Аиша в панике хлебнула воды, и больше не дышала, отчего не теряя времени, Лилия, вся промокшая до ниток, не скупилась на силу. Её не отвлекали слипшиеся волосы, которые лезли в глаза, все оказалось вторичным, перед насущной опасностью. Горничная семьи Грейрат готова была проломить и рёбра своей дочери, лишь бы та выжила.

Знания королевской служанки, коей когда-то была Лили, не пропали в никуда. Обесцветились, ослабли, но все так же держались в голове. Женщина знала многое, от того, как принять роды в домашних условиях, до того, как оказать первую помощь при остановке сердца, в том числе, и что делать, когда королевское дитя, ненароком вдохнет воды.

Ритмично, в голос:

— Раз, два, три, — Лили и не думала останавливаться, все продолжала и продолжая, аж до

момента, пока её упорство не вознаградилось.

Аиша рывком проснулась, начала громко, даже как-то отчаянно кашлять, а её мать, не останавливаясь ни на миг, перевернула дочь на бок, чтобы та, того гляди и не утонула уже в собственных жидкостях, которые по неволе она из себя выдавала.

Стоило сиюминутной угрозе миновать, как мать, что удивительно, сверкнула уцелевшими очками, и про себя кивнула, ответив:

«Живы».

С неё мгновенно спал многотонный камень, а лицо вернуло беспристрастную маску, о которую, в попытках снять, Аиша уже сточила коготки. Словно робот, или в этих мерках, голем, Лили редко проявляла больше эмоций чем должна. Лишь один человек мог поколебать её сердце, словно она лишь пламя слабой свечи. И этого человека здесь не было.

Оглянувшись, её поразила не столько местность, полупустынная, сколько город, который находился в двух днях пути. Расстояние цепкие окуляры горничной определили приблизительно, конечно. Впрочем, Лили верила в себя. В свои возобновленные силы и навыки, но глупая мать совсем-совсем не верила в свою кровиночку. Справедливо было заметить, что вместе с ней, два дня превратились в долгие четыре. Должны были превратиться в четыре. Местные пустынные земли ещё не успели приесться ни Аише ни Лили, и они иногда с любопытством беглых туристов, жадно глядели на пейзажи, коих рядом с прошлой деревушкой и с огнем не сыщешь. Девочка, как бы не храбрилась и не испытывала свое тело, не смогла долго поддерживать темп ходьбы матери, и той приходилось идти с маленькой на спине. Благо в воде их группа не нуждалась, как и в огне. Аиша в очередной раз, поминала своего учителя Мерлина добрым словом, и все больше, Лили благодарила Нилрема за исцеление. Обе девы смутно догадывались, что почести их, направлялись одному и тому же человеку.

В тот самый момент, Нилрем часто зачихал, переступая скалистые горы. Он впервые задумался о болезни.

Так или иначе, а путь в Широн, его столицу, увенчался треском и провалом. Стоило Лилии с Аишей, в разодранных платьях горничных, пройти арку главных ворот, за которыми назначили безликого стража, как к ним на всех порах припёрся принц.

Увы, тот явно не блистал ни белым конём, ни блондинистыми волосами, ни даже манерами. С удивлением Лили обнаружила в мальчике, а это был именно он, недобрую искру. Комок гнили под его глазами ещё прятался, но очень быстро набирал свой вес. Чудом все остались живы, когда седьмой принц Пакс, у всеуслышание, среди белого, простого, и тихого дня, пленил и Лили, и её дочь.

Ведомый собственными мыслями, которые ничего хорошего не предвещали, Лили мыслила более рационально.

Она вернула себе силу мечника стилиа воды средней ступени и могла испытать удачу, поборов тех недосилков, которые выступали у принца за экипаж, впрочем, так решила бы судьба одной лишь горничной, Аиша драку не сумела б пережить.

Сдав себя в плен, не столько из-за слабости, сколько из-за обстоятельств, родственницы попали под замок, в тугую клетку, которая не поддается даже мечнику средней ступени.

На время, их оставили под дикий хохот принца Пакса, тот завершил собственный план, который остался не озвучен, а оттого, смех казался всем слегка безумен.

Ещё вначале, Лили не упустила этого из виду, но все и каждый, будь то слуга иль страж, все ощущались натянутыми струнами, их улыбки фальшивили, а глаза выражали истинные чувства. Лили успешно прочитала печаль и сожаление, с которым её сажали за стальные прутья. И это была третья причина, почему воительница склонила голову.

Поскольку душка её сухого сердца — Аиша, пребывала в слабом состоянии, девочка успела изрядно потратиться в количестве маны и не раз выжимала себя на целый сто один процент, Лили не осталось ничего иного, кроме как ждать, а пока она ждала, решила поднатаскать дочь в предметах. Лишь лёгкая теория, никаких физических упражнений, но первое, что она сказала дочери, когда их посадили за решетки, было:

— Ты теперь слуга.

Жестокие слова ещё не могли ранить девочку, слишком мало она видела, слишком мало осознавала. И даже так, пятилетняя горничная с гордо поднятой головой вникала в слова о своем предназначении.

«Быть прислугой, усердно помогать, дарить, ухаживать и главное, отнестись с уважением к... к...», Мысли Аиши словно клинили несмазанными шестеренками, когда мать упоминала двух старших братьев. Нилрем и Рудэус Грейрат. Старшие наследники, чья сила, со слов той же матушки превышала всю, что она видела. Ещё в пять лет, они ступили на ступень мага святой воды, оба! Если бы Аиша не знала, сколь редки были эти маги, то и вовсе бы считала это заурядным делом. И даже так, что-то в голове её не хотело принимать участие быть прислугой неизвестным братьям. А Лили так и вовсе твердила о том, что ей нужно будет выбрать кого-то одного.

Лилия совсем не предвзято намекала на Нилрема, иногда расхваливая его больше обычного. Но Аиша уже все знала. Её учил Учитель брата.

В доме Грейратов, так повелось, с момента, когда старшие покинули в возрасте семи лет отчий дом, что за каждым трюком, который проворачивала судьба в отношении Аиши, стояла Лили, а за ней и Пол.

Они словно соревновались, выбрав фаворитов, Лили — Нилрема, Пол — Рудэуса. Зенит же, отсиживалась молча в стороне с лихвой отыгрываясь на Норн. Кого восхваляла мать семейства, знали только духи и боги. И каждый при удобном случае нахваливал именно своего подхалима. Будто Нилрем и не был сыном Пола, а Рудэус бездарный трус в глазах самой Лили. И в этом гнете росла Аиша четыре года. Не так и много, скажите вы, но это была вся её жизнь.

И сейчас, Аиша оказалась без противодействия, без Пола, который держал плотину с обратной стороны.

Первые недели, даже месяцы Аиша честно трудилась, слушалась во всем мать, да исправно исполняла свою роль. На третий месяц, Лили удалось добиться поблажки. Больше клетка не держала их в темном помещении, они были вольны бродить по замку, но только по нему. И ради пошрины, Лили принялась делать то, чем занималась большую часть времени, быть горничной.

Крохотная копия же, мышкой, хвостиком повсюду следовала за матерью, та неустанно передавала все свои знания и мудрость, чем лишь подстегивала дочь.

Если для стражи и другой прислуги, заключённая в маленькую форму горничной Аиша, вызывала приступы умиления, то сама девочка давно точила клык на виновника всего торжества. Так получилось, что оказался им вовсе не седьмой принц, Пакс, а её брат Нилрем. Ох, на кого у неё щеки дулись при одном упоминании его имени, так это именно на Нилрема! И видела вся стража замка, до добра это не довело.

А дело было на четвертый месяц заключения.

Аиша одними прыжками и платком, стирала все на своём пути, всю пыль, разумеется. Вот только был один угол, до которого она никогда не доставала, и не могла достать даже с креслом. Уже отточенным движением, девочка направила на пыльный угол голую ладошку, с которой, тут же вылетел буран. Такой же маленький, как и сама магичка, ветер сдул всю пыль.

Аиша удовлетворительно кивнула, её распирали толика гордости за подобное свержения. Редко ей выпадал момент использования магии. Невербально, без слов, она обучилась ею у Учителя.

Поправив платице, как только ноги коснулись каменного пола, она приставила стул обратно к столу и слегка в припрыжку, упорхнула вперёд.

Впрочем, приподнятое настроение не долго её «мучило», ведь следующая комната, как бы не собирала всю пыль в замке. Раньше, она одевалась в горничную, но делала в сто раз меньше, это была скорее шуточная прислуга, чем настоящая, сейчас же...

Аиша приставила палец к губам и наклонила голову.

«Кажется, я здесь ещё не убиралась», это было равнозначно тому, что малышка ещё не заходила в эту комнату.

Она шагнула мелкими шажками, и немедленно уперлась носом о преграду. То был чудный смрад чего-то сгнившего. Плавный носик тут же сморщился, а Аиша отошла на несколько шагов назад. Оказавшись почти у самого порога, она вновь окинула комнату задумчивым взглядом. Аиша вспомнила прошлую вспышку магии, легкий ветерок, а ведь она могла проделать нечто более радикальное и сильное.

Кинув взгляд, на окно неподалеку, улыбка сама взобралась на молодое личико.

— Учитель говорил, что магия всесильна.

Аиша была готова поклясться, что так и было. Те чудеса, которые ей демонстрировал Учитель с магией, иногда казалось, выходили за грань. И молния, которая не ранит, огонь, который не сожжёт, вода от которой руки сухи и даже ветер, которому под силу менять голос.

Открыв окно, всего одно, Аиша точно так же, но уже закрыла дверь. С того дня, как она использовала среднее заклинание воздуха прошло много времени, а пальцы ещё чувствовали прикосновение Учителя, его слова, его каменную маску и так желанную магию.

Воздух зарядил, Аиша закрыла глаза и глубоко вдохнула, чтобы после, эта рябь взбесилась, сгоняя ветер отовсюду, он будто языком слизал всю пыль, поднял прозрачную завесу, а после, все направилось во двор, через открытое окно. Секунда, две, три... пять... десять... пятнадцать, и только после, Аиша громко выдохнула, приоткрывая глаза.

А комната, пропитанная чистым ветерком, сияла, как должны сиять хоромы после тщательной

промывки. Ещё вздохнув поглубже, Аиша ещё сильнее приободрилась. Сжав кулачки, она вскинула руки вверх, ей хотелось крикнуть победное: «Е-ей!», но писк малышки утонул в вопросе:

— Ты что устроила?

Мгновение тишины, и Аиша ретировалась, опустила руки, поправила рабочую форму и приопустив брови уставилась в холодный пол.

— Прости, мама.

В дверном проёме, по-видимому, заметив выступление, стояла хмурая, как туча Лили. В купе с веником, она излучала явную опасность, с простой метлой в руках.

— Я тебе говорила, дочь, нельзя тебе магию творить.

— Я знаю.

Аиша действительно знала. Она была смышлёным ребёнком, гением, как воскликнул бы любой из братьев. И все же, Аиша была ещё ребёнком. Не имей она магии, все было бы по-другому, но поскольку она может колдовать.

— Аиша, дочь, тебя могут забрать, могут и увести кому, учителю или ещё кому на плаху. Я не хочу этого видеть, чтобы больше подобные глупости не совершались.

— Да, мама, я поняла.

Аиша слегка кивнула, согнула спину и так же смотря в пол, вышла из комнаты.

Хлопнув ресницами, она вспомнила про окно, и тут же метнулась обратно, открывая дверь.

— Ты забыла тряпку.

Лили бросила своей маленькой копии сухую тряпку и сама, словно ждала сигнала, ушла назад.

Аиша с лету, еле дотянулась пальцами до падающей тряпки.

Тогда, в тот, день, сбылись страшные мысли Лили. Её доченьку, за магией, заметил слуга, из тех, что поничтожнее. Наблюдение не случайным образом само собой совпало, ему поручили приглядывать за горничными.

Слухи, будь они не ладны, они ведь как вода, как пар, как тот же воздух. Попадет и в землю, и в воду, и в чужие уши.

Шепнув, и не подумав, слуга дома Широнского словно распылил свой ум, не слишком острый, хотелось бы заметить. Так, пошли по дворцу слухи о девочке, которая, как ведаёт тот самый слух, умеет колдовать не хуже лучших магов королевства, да и делает все это без слов, простой рукой.

Подобно лесному пожару, слова слуг росли, крепчали под любопытством и перекидывались от одного к другому. Уже к концу недели, о какой-то девочке с удивительным даром к магии знала вся прислуга, а через две, и все во дворце.

Пакс, не умея он лепить два плюс два, не сумел бы к примеру, выменять личного воина своего брата, Занобы Широ на обычную фигурку. Вернее, так думал сам Пакс. Пускай, изделие и походило в ужасающей точности на его учителя — Рокси, которую Пакс боготворил, но обменять ненастоящую, холодную фигуру в двадцать сантиметров на настоящую девушку? Ох, седьмой принц не против был заглянуть под каждую юбку, даже если эта юбка норовит его заколоть и сжечь.

Джинджер, так звали того рыцаря, который остался рядом с монстром, почему-то названного дитём Бога, «Мико». Заноба же, не видел радости и веселья, не знал он и страсти в живой, теплой плоти. Уж слишком он был девиантен, убыточно силён. За свою недолгую жизнь, он успел и брата, младшего убить. То было по незнанию, случайности, глупой случайности. Как наслышалась Лили, а от неё и Аиша, принц Заноба Широ, скрутил годовалому младенцу голову. То был шикарный пир, в честь первого дня рождения маленького Принца. Гости уходили с праздника, заметно прибавив возраста, и с лишней кнопой седых волос, а барды прихватили новую, жуткую историю для простых людей. С того времени, принца держат в замке, не как человека, но как оружие.

Джинджер, являлась девушкой рыцарем, приставленной к нему самим королём. А Заноба променял её, не думая, не решаясь. Быстро, четко, моментально. Между плотью и мрамором, Заноба выберет второй, ведь мрамор не разорвется от одного его касания.

Дворец полнился слухами отнюдь не только о Занобе, он-то как раз вспоминался тихим словом, а вот седьмой принц Пакс... его поминали все собаки ближнего двора, в особенности, те отклонения, за которыми его часто видят.

Рыцарша, Занобы ушла под крыло похабного принца не только потому что принцы договорились меж собой. Все же, во дворце были свои правила и законы, которые читали все, но только не седьмой принц. У каждого наследника престола, должен быть личный рыцарь, другие же играли роль разменной монеты, они были своеобразной валютой, по которой, можно было определить влияние наследника престола. И Пакс нарушил правило, он угрожал не только собственным рыцарям, но и личным, и даже Джинджер. У неё был младший брат, которого отправил на «отдых» Пакс, и лишь от покорности Джинджер зависело, вернётся её брат или нет.

Принц не стеснялся, пользоваться подобной привилегией, не стеснялся вымещать на Джинджер всю свою похоть. Везло лишь с тем, что дальше лёгких шалостей, дело никогда не заходило. Но даже так, обстановка вокруг Пакса все время напоминала могильный марш.

Пакс своевольничал, играл явно не по правилам и законам, да чего уж там, он вел себя так, словно со злым умыслом пытался опозорить себя все больше и больше. Держал рыцарей под страхом, отчего позволял себе вольности и во дворце. К примеру, засадить двух девушек, мать и её дочь, в клетку, по надуманным причинам.

«Они шпионы Асуры!» Отмахивался принц, когда жаловал на ковёр к отцу или старшим братьям, и те, ослепленные любовью, верили. Искренне хотели верить в младшего принца и его слова.

И вот, Джинджер смотрит на их гостей. Они должны были стать таковыми. Их знает Рокси, великая магичка Королевской ступени, а иметь подобного врага, себе дороже. Рыцарша вглядывалась в глаза гостей... потерянных, лишённых всей доброты мира.

Ещё на подходе Пакса и его прихвостней, Лили успела спрятать дочь, а сама вышла на порог.

Лилия держит наготове острый меч, Джинджер сразу догадалась, что без помощи прислуги здесь не обошлось. Остриё меча утыкалось едва не в грудь Джинджер. Горячие, палящие, обжигающие глаза матери за которой прячется её дитя оказались сильнее приказа Пакса. Джинджер не могла ступить и шага, ведь больше не позволяла сама её сущность рыцаря, стража, защитника слабых!

— Я не отдам вам Аишу! — будто где-то взревел дикий зверь, слова Лили пропитались убийственными намерениями.

— Лили, не смей перечить мне! Я принц! Принц Широнский — Пакс! Как я скажу, так и будет! Отдай малявку! Нас больше!

Перед Лили стояло не то количество и, не то качество противников, с которыми она сумеет совладать, но даже так, кончик меча даже не дрогнул.

— Убирайтесь прочь! — рявкнула горничная.

— Мне надоело тебя слушать, — Пакс стоял далеко позади, и всей своей гнилой натурой, дулся, словно ему не покупали игрушку. — Джинджер, убей её.

Коротко брошенное слово остановило время. Нет, оно остановило далеко не время, а самих людей. Все рыцари в округе перестали издавать и звук, казалось, даже факелы и те утихли.

Темнейшая из ночей, отдала легкий пас рукой, и все замёрзло в несуществующих льдах.

Лишь Пакс, секундой озираясь, вдруг понял, что никто его уже не слушал.

— Джинджер! Бесполезная ты сука! Иди и убей эту мерзкую прислугу! — последние слова Пакс пищал полукриком, но ни один мускул не дрогнул в теле рыцаря. — или тебе не дорога жизни собственных близких? Джинджер, выбирай! Либо эта прислуга, либо твой брат!

В глаза доблестному стражу бросились глаза брата. Они всплывали с озера воспоминаний. Все такие же, добрые, нежные, живые. В них теплилась та детская искорка любознательного мальчишки.

Зазвенела сталь, Джинджер ступила на шаг вперед, проталкивая грудью Лили назад. Из ножен блеснула красная полоса метала.

Но, на этом все и остановилось. Марево исчезло, и глаза брата сменились матерью, резким толчком, Джинджер уже хотела сделать шаг назад, но её спина наткнулась на те же мечи. Обернувшись, она поняла в чем дело.

Вся стража, все рыцари видели лица родных, а некоторые даже не могли сдержать влажных глаз. Слова Пакса о плененных родных, давили пуще твёрдой стены.

Их души рвались. Разрывались на части между собственными родными и матерью с дитём. Даже Лили, нет не сжалилась над стражей, вдруг полностью осознав их участь, но прошептала слова поддержки, которые услышала лишь ближняя Джинджер.

Все вновь застыли, как вдруг, ещё пока Пакс вдыхал воздух на новые угрозы, из прохода, который защищала Лили, донёсся детский голос.

— Всем отойти! — и все отошли... Так, наверное, и выглядел план в голове Аиши. В темном

коридоре, она едва не держала огненный шар в руке, а тот осветил неуверенное да нервное личико молодой. — Всем отойти от мамы!

Девочка хмурилась тем больше, чем дольше никто не находил в её словах угрозы. Впрочем, её юные глаза не видели той скрытой боли, которую она причинила рыцарям. Незримый порез лучше любого огненного шара подействовал на Джинджер. Она впервые задалась вопросом:

«Может... отойти?»

А пламя все мерно тлело в ладонке девочки. Она сделала ещё два шажка вперёд, но никто не шелохнулся.

Тишина слишком долго давила на принца. Он и сам не являлся слепым котёнком и видел, видел, как сквозь пальцы сыпется песок терпения его пешек и как те, пока что лишь на миг, но косятся на него самого. Тиран без верных подданных лишь маленький фитиль, который ведет на склад с взрывчаткой. И видел Пакс, он сам поджёт конец собственного фитиля жизни.

— Как ты использовала магию? — тише обычного, с хрипцой и глупым видом, спросил Пакс. Стража обернулась, Лили застыла, а Аиша, словно это и было её планом, ступила ещё на несколько шагов вперёд.

— Хочешь, научу?

Где-то Лили видела подобный жест. Её память кольнуло прошлое, прошлое которое она видела лишь мельком. Протянутая к Рокси, детская рука. Как когда-то Нилрем, предлагал Рокси обучиться волшебству, как мальчик предлагал ей самой излечиться...

— Аиша...

Шепот не слышали, шепот не увидели.

— Ха! — Пакс криво улыбнулся. Вернее, это была его обычная улыбка. — да что ты можешь?

— Меня успела обучить Рокси! — Пакс заткнулся, а его лицо дивно вытянулось, причем, как и лица всех присутствующих.

— Такого... ведь не может быть, — видимо «заподозрив обман», Пакс что-то пробурчал, как бурчат, когда складывают числа. Принц хорошо учился, но, когда дело заходило к Рокси, рассудок не редко терял его. — а, если бы и успела! Ты не смогла бы многому у неё научиться.

— Мне мама говорила, что я гений! — Лили приоткрыла рот, от подобной дерзкой лжи, причем, для стражи ложь была детской, и она работала.

— Дя?! — чуть не крикнув от услышанного, Пакс сжал губы в тонкую струну. Рокси не раз хвалилась двумя гениями, коих сравнивала с Паксом, а тот сильно отставал. На этом фоне и явился комплекс неполноценности. — и какой же у тебя ранг?

— Средний!

По рыцарям прошёлся шепот:

«Невозможно...»

«Чтобы в пять лет...»

«Она и вправду...»

«Гений.»

Для примера далеко ходить не надо. В местной гильдии авантюристов, магов средней ступени брали в группы не меньше чем «В» ранга. А ведь Аише не было и десяти.

— Не верю. У тебя на руках лишь слабое заклинания начальной ступени, — Пакс слегка кривил, когда сказал «слабое», он и сам отлично помнил огненные шары учителя, но предполагал, что какая-то простачка, дитя слуги, была явно слабее его учителя.

Тогда Аиша переступила порог, прошла мимо Лили и подвинула Джинджер. Только спустя мгновение рыцарь, поймет, что её и всех, кто был позади подвинула малышка.

Маленькая горничная подняла глаза в безлунное, беззвездное ночное небо. Затянутое мглой, ей как-то говорил учитель: «Я не люблю черные тучи», тогда он их развеял, будто рукой смахнул с небосвода. Аиша подняла свой огонёк к тем тучам, и выпустила его в небо. Не преодолев и ста метров, шар огня взорвался. Она так и не сумела стереть черные тучи ночного неба, но... Этого хватило, чтобы стереть любые сомнения на её счёт.

С того времени, на месяц, опустился мир да покой.

В жизни Аиши, как она считала, должны были появиться такие эфемерные понятия как уважение и покой, а может и Учитель должен появиться, однако, в жизни перемены несли и негативный характер. Лишние хлопоты... Да боль в заднице. После той ночи, Лили крепко преподала урок своей дочурке. Во имя воспитания! Враньё должно быть наказано и точка. Лили «ласково» напомнила, что от её руки не сумел убежать ни Рудэус, ни Нилрем. Впрочем, все это было любя.

Теперь маленькая магесса приобрела свои изначальные права гостя, как и её мать. Аиша продолжала учиться у матери и учить Пакса. Вернее, учением это звалось лишь на пальцах, на деле же, когда бы не приходила девочка все время Пакс гонялся по двору за новой юбкой, потому скудных секретов магии, Аише хватало с лихвой, чтобы рассказывать их время от времени. Зато у малышки появилась новая подруга, как ласково звала её сама девочка, тётя Джин.

Джинджер подобное прельщало. Она позволяла себе становиться мягче рядом с чужим ребёнком, но не когда к ней клеится принц Пакс. Это задевало её материнские чувства. Совместное несчастье делало их ближе, роднее.

Отныне маленькая горничная лишь номинально протирает пыль. Большую часть времени, она все ещё блуждала по загадочному дворцу. Девочка все продолжала натекаться на принцев, как хороших, так и не очень. Были встречи и с самым страшным из принцев — Занобой.

Высокий, скуластый парень, голова которого завернута в подобие шапки только из собственных волос. Прическа такая же ровная и четкая, как и его нрав. Глаза скрывали очки, а слова его скрывали тонкие губы. Аиша из любопытства, лишь единожды, проследила за Занобой (вернее уж будет сказать, это принц ей позволил за собой бродить) к его покоям, где лицезрела с открытым ртом удивления, множество человеческих и не очень, кукол. Среди множества на первый взгляд редкостных экземпляров, ей на глаз даже попала до боли знакомая статуэтка... Прохожую ростом и материалом, она когда-то видела в комнате братьев,

только воссоздана тогда была «сестрёнка Сильфи» в платье.

Месяц длиться вечно не намерен. Он пробежал, как олимпиец, а Пакс уже и позабыл, чего боялся страшной ночью. Урок не преподали, и этот эпизод стирался с памяти.

Пакс решил вернуться к изначальному плану. Вернее, к тому подобию, который он вынашивал. Ведь Лили с Аишей он пленил, чтобы заманил Рокси, а как выяснилось, Аиша и вовсе её ученица (нет), а значит план сработает на сто процентов!

Старые раны принца взяли свое и он вновь полез к Лили, а потом и к Аише. Но и в этот раз, обошлось без жертв. Если не считать сломленную руку Пакса великой жертвой. Все дело в Занобе. Так уж получилось, что в то время рядом проходил этот, незамысловатый принц, и было же наглости у Аиши выкрикнуть что-то на подобию:

«Я знаю, кто создал фигурку Рокси!»

Заноба как с цепей слетел, но все улеглось, а случай решили не оглашать, все причастные доблестно хранили молчание, в то время, как Паксу пришлось объясняться отцу, мол: «С лестницы упал». Рядом с ним подобным жалким образом ещё десяток рыцарей с подобной травмой объяснялись в меру собственных сил.

Пришлось на время закрыть лестницу, пока не приедет мастер и не осмотрит дело. Где же это видано, дабы десяток рыцарей, падая с её пролетов успели руки и ноги себе поломать?

Аиша вновь получила за ложь от матери, и целый следующий день не могла сидеть на попе ровно. Джинджер поправляла плечо, которое, за время прохода ей вывихнул сильнейший принц, а Лили... Лили думала куда ей дальше.

Лишь она одна понимала, что вечно сидеть во дворце они не смогут, она не сможет. Потому решив подзаработать, Лили взялась за меч, и вовсе не чтобы убивать, но дабы учить как это делается. Возможно повторяя за дочерью, но Лили выпросила себе молодняк, и за плату доучала их своими знаниями по мечу. Так вышло, что многие из старших, оказались с поломанными руками или ногами. Все как один говорили, что упали с лестницы.

Но прошло ещё два, а может и три месяца.

Заноба уже боготворил Аишу, которая успела наплести таких интриг о собственных братьях, что ей казалось это слишком хрупкой ложью. Её гневный настрой против одного из родственников сошёл на нет. Можно сказать, что, пользуясь их именем, девочка медленно прониклась к ним толикой сочувствия. Одному она приписала возможность создавать магию императорского уровня, а второму чуть ли не бессмертие. И что первый, что второй, это было самое важное для Занобы, могли создавать статуэтки хоть в человеческий рост.

Аиша и сама пыталась, но её фантазии хватало на что-то простое и не столь детальное.

Пара Грейратов обрела большую известность и почёт, по крайней мере внутри поместья. Их даже видел лично сам Король Широ́на. Аишу и Лили уважали.

Уважали почти все. И в числе тех, кто считал их просто выскочками, был и оставался Пакс. Широ́нский принц слегка продвинулся в магии, но в том то и проблема, что «слегка», он верно мыслил, что не сумеет, как и Аиша использовать невербальную магию, а сама малышка

пускала просто пыль в лицо. И снова болезненный урок прошел мимо, вернее, вместо того, чтобы оставить попытки использовать Аишу и Лилию как приманку, он начал исхитряться так, что выдумал ещё более стройный план.

Поскольку за горничными теперь стояла сила, Заноба Широн, действовать так же прямо, как и раньше он не решился. Вместо этого, он взял и тихонечко начал отдалять мать и дочь. Нагружая что одну, что вторую все больше. Вот так случилось, что «неожиданно», потребовалось обучить несколько стражей уже не в дворце, а в его окрестностях, вот Лилия и отправлялась туда.

Он решил отдельно воздействовать на дочь и мать, не подпуская их ближе к себе, дабы не наводить тех на подозрения. Так сказать: «Разделяй и властвуй». План находился в начальной стадии, он только начал сводить концы с концами, как...

Днём непримечательного дня, к Джинджер, отсалютовав, прибыл непримечательный слуга. Пакс и не думал отпускать выпуклости Джинджер, готовясь в любую минуту изворачиваться от меча. Слуга, скосил печальный взгляд на принца, а рыцарь, Джинджер, привычно помассировала виски.

— Сэр Джинджер, разрешите говорить!

— Разрешаю, Галлад.

— К нашим вратам, прибыли родственники госпожи Лилии и госпожи Аиши.

— Кто?

— Представились, отцом Пол, матерью Зенит и братом Нилремом.

<http://tl.rulate.ru/book/84638/3203485>